

Глава 1

Андрею Сабурову приходилось туго. На него наседали втроем, наседали плотно и уже почти загнали в угол. Он защищался, как мог, иногда удавалось и контратаковать. У верткого чернявого парня, нарывавшегося активнее всех, уже была рассечена бровь, а на левой скуле наливался цветом большой синяк. Другие двое тоже получили по паре ударов. Но вырубить никого из них Андрей не мог, он явно не справлялся с тремя, хотя по отдельности наверняка победил бы любого из них. Но сейчас они нападали все вместе. Андрей не успевал сблокировать все сыпавшиеся на него удары, ему приходилось все время отступать. И вот настал момент: еще несколько шагов назад — и отступать будет некуда, спиной в стену упруешься. Пару раз за эту схватку Андрей уже умудрялся вывернуться из такой позиции, но сейчас у него уже просто не оставалось сил. Чтобы прорваться мимо нападавших, нужен был стремительный рывок, напряжение всех сил. А их осталось уже совсем мало. Кроме того, здорово мешала двигаться боль в правом боку, во время прошлого рывка по нему попали — и неслабо. Но все же Андрей сделал попытку. Он принял на блок один удар, второй, а потом ответил мощным махом ноги, заставив третьего

противника попятиться. И отскочил назад, разрывая дистанцию. Теперь нужно было уходить вправо. Так Андрей и сделал — но недостаточно быстро. Дорогу ему успел преградить самый сильный из атакующих, здоровенный рыжий парень с кулаками размером с пивные кружки. Еще несколько минут назад Андрей сумел бы проскочить мимо него: как и многие здоровяки, рыжий был не слишком быстр. Сабуров уклонился бы от удара или сблокировал его, да и ответить успел бы, убавляя противнику прыти. Но сейчас он слишком вымотался. Он видел удар, знал, что надо делать, какой блок поставить, но просто не успел. В самое последнее мгновение, видя, что его блок запоздал, Андрей сумел чуть присесть — и удар, нацеленный ему в солнечное сплетение, пришелся выше, в грудную клетку. Все равно мало не показалось. Его отбросило назад, он впечатался спиной в стену и тут же получил еще один удар — другой противник достал его ногой по ребрам. Счастье еще, что нападавшие мешали друг другу, третий так и упустил удобный момент, ему помешал товарищ. Андрей нашел в себе силы ударить в ответ, но получилось совсем медленно, противник легко уклонился, а в лицо Сабурову уже летел кулак рыжего. Отступить было некуда, но Андрей успел чуть податься влево и присесть. Над головой раздался звук глухого удара — кулак рыжего врезался в стену, парень сдавленно охнул. Но порадоваться Андрей не успел — на него градом посыпались удары двух других. Пользуясь тем, что он присел, они стали бить ногами. От первых двух пинков Сабуров ухитрился уклониться, третий сблокировал руками, но потом получил в живот, согнулся, получил сверху по затылку, рухнул на четве-

реньки, тут же получил по голове еще раз — перед глазами все поплыло. И все же Андрей нашел в себе силы для последнего рывка. На чистой силе воли. Не вставая, на четвереньках, он ринулся вперед — и дотянулся! Не ожидали нападавшие такого от своего противника, которого уже считали побежденным, поэтому и не успели среагировать. Андрей рубанул одного из них ребром ладони по коленной связке. Парень рухнул как подкошенный, а Сабуров уже замахнулся снова, он хотел ударить еще раз, хоть куда-нибудь, уже совершенно не думая об обороне. Но тут его пнули по второй руке, на которую он опирался. Сабуров ткнулся лицом в пол.

— Стоп!

Андрей почувствовал дуновение воздуха над левым ухом. Понятно — противник, услышав команду, успел удержать удар. Все, бой закончен.

Андрей позволил себе закрыть глаза и на пару мгновений расслабиться. Впрочем, разумеется, долго разлеживаться ему не дали.

— Сабуров! Что валяешься как мешок с навозом? — Особой вежливостью инструктор по рукопашному бою никогда не отличался. — Или думаешь, что я, как в твоём боксе положено, до десяти считать буду, и, пока до восьми не досчитаю, отдохнуть можно?

— Никак нет, товарищ майор, — ответил Сабуров, поднимаясь. Майор Марченко с самого начала занятий постоянно попрекал его боксом, в котором Сабуров еще до срочной службы в армии дошел до кандидата в мастера спорта. Другой бы на месте Андрея обиделся, но он был достаточно умен и понимал: у инструктора просто работа такая, майор специально это говорит,

чтобы раззадорить своего ученика, заставить его доказывать, что чего-то стоит.

— Ты тоже поднимайся, — продолжал командовать майор.

Парень, которому Сабуров в самом конце боя угодил по ноге, вставал с трудом. Ушибленная нога постоянно подгибалась, он морщился, кряхтел.

— Ворон считать не надо в бою, — прокомментировал это зрелище инструктор. — Сам виноват — кто тебе мешал хоть колено подставить, когда он на тебя пошел? А? Что молчишь-то? Поставил бы колено, и Сабуров напоролся бы на него лбом!

— Не успел...

— Плохо, что не успел. Ладно, свободен. Вы тоже, — он кивнул двум другим партнерам Сабурова.

— Так, ну а теперь скажи мне, что ты делал неправильно? — спросил у Андрея инструктор, когда они остались в спортзале вдвоем.

Со стороны это могло бы показаться странным — было бы логично, чтобы в разборе полетов участвовали все четыре бойца. Но нарушению этой простой логики была причина. Майор учил только Сабурова, члена одной из спецгрупп ФСБ России. А остальных использовал просто как спарринг-партнеров. Это были десантники второго года службы из части, дислоцированной по соседству с тренировочной базой. Кое-что эти парни умели, конечно, но особого мастерства в рукопашном бою достичь не успели. Да и настоящего опыта у них не было, то есть опыта боя с противником, который на самом деле хочет тебя убить. А вот у Сабурова такой опыт уже был. Успел приобрести летом, в

Косове, где первый раз выполнял задание в составе спецгруппы Ската.

Андрей сам до сих пор не переставал удивляться тому, что попал в эту группу. Для него, обычного российского парня, ФСБ всегда казалась чем-то очень далеким от реальной жизни. И уж, конечно, у него никогда и мысли не было, что он сам когда-нибудь станет работать на эту контору. Но вышло именно так. Получилось это совсем просто, даже буднично. Он жил, как все, окончил школу, поступил в институт, доучился в нем до конца. И тут столкнулся с проблемой — отмазаться от службы в армии не удалось. Так уж получилось. Примерно за месяц до этого в их районном военкомате одного полковника поймали на взятке. И, разумеется, ближайшие месяцы мзду в военкомате брать почти перестали, все были перепуганы, да и контроль ужесточился. Потом, конечно, все вернулось на круги своя, но Сабуров угодил как раз в тот период, когда взятки не брали. Впрочем, он не слишком расстроился. Службы он не боялся. И, как выяснилось, правильно не боялся. Он попал в миротворческий контингент на границе Грузии и Абхазии. Дедовщина там практически не прижилась, офицеры были толковые, да и дело было нужным и полезным — защищать абхазов. В общем, отслужил он без проблем, демобилизовался. Но, вернувшись домой, был здорово разочарован. Выяснилось, что девушка, которую он любил, теперь с другим, что друзья прекрасно без него обходились и восстанавливать прежние отношения не рвутся. С работой тоже было неважно. Найти что-то приличное оказалось сложно, а ведь Сабуров рассчитывал, что с юридическим образованием устроится на хорошее

место без проблем. Но выяснилось, что хороших мест мало, а молодых юристов без опыта работы и без связей, наоборот, очень много. Хоть в охрану устраивайся — но сидеть целыми днями и считать мух Андрей не хотел. Мало всего этого — оказалось, что и дома у него не все благополучно. Вернувшись из армии, Андрей обнаружил у себя дома какого-то незнакомого мужика. Очень быстро выяснилось, что за него мама собирается замуж — ни больше ни меньше. Дескать, сорок девять лет — еще не старость, она имеет право на любовь и так далее. Со всем этим, конечно, спорить было трудно. А тут еще выяснилось, что после свадьбы скользкий тип переедет жить к ним в квартиру. Это Андрея окончательно довело, тем более что будущий отчим оказался человеком крайне неприятным. Андрей с ним подрался в первый же день, а мама приняла сторону своего жениха, вот что самое обидное! Такого от нее Сабуров никак не ожидал!

В общем, не удивительно, что уже на третий день после возвращения армия вспоминалась с ностальгией. А ведь перед демобилизацией капитан Мякишев предлагал Сабурову остаться и служить по контракту. Андрей колебался еще пару дней, но никаких улучшений в жизни не произошло. И он отправился в военкомат. Там, когда он разговаривал с военкомом, на него обратил внимание какой-то тип в штатском. Он сидел за столом в углу и перебирал личные дела. На другой день Сабурову позвонили и пригласили прийти в ФСБ. И тот самый тип сделал ему предложение — поработать на госбезопасность в составе одной из спецгрупп. Сабуров оторопел, но чекист очень быстро убедил его, что все в порядке. В самом деле, ведь работают

же люди в этой конторе! И не какие-то особенные, а самые обычные, с двумя руками, двумя ногами и одной головой. Да, конечно, они знают и умеют больше, чем все остальные, — так ведь не родились же они с этими знаниями и умениями! Всему можно научиться, вот и ты научишься. Примерно такую речь произнес тогда чекист, и Сабуров не нашел что возразить. А уж когда выяснилось, что платить в этой спецгруппе ему будут раза в три больше, чем он рассчитывал получать у капитана Мякишева, все сомнения были окончательно отброшены. Кстати, фээсбэшника это удивило — он явно был человеком старой закалки и не привык, чтобы люди шли в его контору за длинным рублем. Впрочем, патриотические соображения у Андрея тоже были. Он искренне хотел не только хорошо зарабатывать, но и приносить своей стране пользу. Но первое тоже было важно. Служить за гроши Сабуров бы не стал. Он рассуждал так: если я стране нужен, то она мне хорошо заплатит. А если не нужен, то и разговаривать не о чем: разворот кругом — и вперед, на поиски другой работы.

В итоге он согласился, подписал контракт и уже на следующий день оказался на тренировочной базе. До начала операции, для участия в которой его и наняли, оставалось чуть меньше месяца. За это время он должен был многому научиться. Он и научился и в ходе операции не ударил в грязь лицом. Группа сделала свое дело, и Скат, командир группы, признавал, что в этом успехе немалая заслуга Сабурова. За эту операцию Андрей даже награду получил — вот уж на что совершенно не рассчитывал. Орден «За заслуги перед

Отечеством» четвертой степени. Кстати, серьезная награда, не медалька какая.

— Сабуров! О чем задумался?!

Андрей слегка встряхнул головой.

— Ну, я жду ответа. Так что ты неправильно делал? — Инструктор подошел ближе.

Андрей сосредоточился. Анализ собственных ошибок был важной частью тренировки.

— Слишком много отступал.

— Еще?

— В самом начале боя не успел ударить рыжего, когда тот подставился. Не знаю, заметили вы или нет, я мог достать его в живот...

— Заметил. Дальше.

— В самом конце не сумел выйти из угла.

— Все?

— Мало бил по рукам.

— Теперь все?

— Кажется, да.

Инструктор поморщился.

— Если кажется — креститься надо, Сабуров. Теперь меня послушай. Конечно, суперпрофессионала из тебя так быстро я сделать и не надеялся. Но справиться с тремя недоучившимися десантниками ты уже должен без проблем! Единственная твоя ошибка, которую ты правильно назвал, — то, что мало бил по рукам. Рубани противника по запястью ребром ладони! Или по сгибу локтя! И все — он твой после этого! Почему этого не сделал?

— Не успеваю.

— Надо успевать! И я сейчас объясню тебе, как это сделать. Это связано с твоей второй ошибкой. Ты

слишком много блоков ставишь. Из-за этого не можешь никого достать серьезно, ни по рукам, ни еще куда. Бой затягивается, и они за счет того, что их трое, тебя измором берут, ты раньше устаешь из-за того, что вынужден больше двигаться.

— А что же делать? Если я блоков ставить не буду, то удары пропущу.

— Иногда это разумная тактика. Я смотрел внимательно — как минимум треть ударов, которые ты принимал на блок, можно было пропускать. Ну-ка, не шевелись! Замри!

Тренер шагнул вперед и резко ударил Андрея кулаком в грудь. Андрей покачнулся, но устоял.

— Вот! Ничего с тобой страшного не случилось! Такие удары можно спокойно принимать, а вместо блока бить в ответ! По бьющей руке, например! Попробуй! Я снова бью, а ты попытайся успеть достать меня по сгибу локтя.

И он попробовал. И еще раз. И третий. Получилось у Андрея на одиннадцатой попытке, когда половина груди у него уже была сплошным синяком.

— Вот! — с довольным видом кивнул тренер. — Даже меня достал, молодец, Сабуров. Хорошая у тебя реакция. А ведь у парней, с которыми ты дрался, удары помедленнее. Понял теперь? Можно некоторые удары принимать — на грудь, на пресс. Еще куда-нибудь. А вместо блока бить в ответ.

— А если слишком сильный удар пропущу? — спросил Андрей.

— Ну, так думать надо, какие удары можно пропускать, а какие нет. Ты же человек, а не робот, у тебя голова на плечах есть, вот и думай ею. Так, насчет это-

го — все. Идем дальше. Ты хорошо уклонялся от ударов рыжего. Особенно хорошо у тебя в последний раз получилось, когда он в стену врезал. И еще ты в самом конце хорошо действовал.

— Это когда я по ноге кому-то попал?

— Именно. Ты не сдаешься до последнего, это очень ценное качество. Технику можно наработать, а вот бойцовский характер — нет.

— Отлично сказано!

Андрей обернулся и увидел Ската, стоявшего у двери. Как он вошел, Андрей не слышал, хотя дверь была скрипучая. Ну, ничего удивительного, Скат и не такое может.

— Как же тут еще сказать, если так оно и есть, — отозвался инструктор.

— Вы закончили на сегодня? — спросил Скат.

— Да, — ответил майор.

— Отлично. Андрей, как переоденешься, зайди ко мне.

— Хорошо, — кивнул Сабуров. — А что...

— Вот зайдешь и узнаешь, — перебил его Скат. — Жду тебя.

Глава 2

На то, чтобы наскоро принять душ и переодеться, у Андрея ушло десять минут. Он торопился — неизвестно, на сколько затянется разговор со Скатом, а ведь ему еще на автобус успеть надо. Сабуров сегодня собирался домой. Автобус, на котором он обычно ездил, отходил от расположенной неподалеку от базы остановки в десять часов вечера. Сейчас было девять. Ко-

нечно, можно было сегодня домой и не ехать, остаться на базе, но ведь мать опять скандал устроит...

Андрей поморщился. Отношения с матерью у него последнее время были неважные. С одной стороны, то, что сын всю неделю живет не дома, а на тренировочной базе за чертой города, ее раздражало. Она постоянно попрекала Андрея — дома не бываешь, звонишь редко, не помогаешь, совсем мать забросил. И так далее, в том же духе.

С другой стороны, когда Андрей приезжал на выходные домой, он явно матери и отчиму мешал, раздражал их. Мирно проходили хорошо если первые часа два от момента приезда. Потом неминуемо начинались ссоры и выяснения отношений. Отчим пытался командовать, мать его поддерживала, а Сабуров подчиняться, конечно, не хотел — чай, не маленький уже. Дополнительно осложняло отношения то, что отчим был просто задвинут на политике. Каждым вторым словом у него были или «свобода», или «демократия». Ни того, ни другого, по его мнению, в России сейчас не было. А уж от аббревиатуры ФСБ его просто трясло, он считал эту организацию преступной и этого своего мнения не скрывал. Да ладно бы просто не скрывал, в конце концов, каждый имеет право на свое мнение. Но он буквально выискивал повод об этом сказать, непременно используя выражения типа: «кровавая организация», «наследники упыря Дзержинского», «чекисты с руками по локоть в крови». Ну, или еще что-нибудь в том же роде. Мало того, что он сам это твердил, так еще и мать научил тому же самому — как свойственно женщинам, она смотрела своему благоверному в рот и исправно перенимала все его политические воз-

зрения. Андрей очень старался в конфликт не вступать, но, как правило, терпения ему хватало ненадолго. Он начинал спорить, а конфликтовать с отчимом было невозможно — он уже на третьей-четвертой фразе переходил на личности, называл Сабурова или дураком, или подлецом — по настроению. Андрей отвечал тем же, и начиналась уже просто перебранка, очень быстро уходящая от политической тематики к бытовой. Несколько раз и до драки доходило — если, конечно, можно это так назвать. Андрей и раньше с отчимом мог справиться без проблем, а уж после подготовки, после поездки в Сербию он бы пятерых таких вояк вырубил бы за минуту. Но проблема была в том, что в конфликт тут же вмешивалась мать — и, разумеется, на стороне мужа. И что было делать? Против неето не повоюешь.

В общем, ехать домой Андрею не особенно хотелось. Но ведь если не поедешь, то в следующие выходные еще и из-за этого скандал будет. В общем, куда ни кинь, всюду клин.

С такими невеселыми мыслями Андрей зашел в комнату Ската. И, только перешагнув порог, подумал о том, зачем его командир мог вызвать. Версий в голове промелькнуло много, но хоть немного сосредоточиться ни на одной из них Сабуров не успел.

— Садись, — Скат кивнул на единственный в комнате стул. Сам он лежал поперек кровати, оперевшись спиной на подушку и поставив ноги на пол. Это была его излюбленная поза, так он и телевизор смотрел, и читал, и разговаривал, если обстановка позволяла. Сейчас она позволяла — беседа предстояло явно неофициальная.

Сабуров сел, выжидательно посмотрел на командира. Скат немного помолчал, потом вскинул голову — это тоже была его привычка.

— Скажи, Андрей, — негромко спросил Скат, — а тебя не удивляло то, что я тебя в своей группе оставил после Сербии?

Такого вопроса Сабуров не ожидал. Вообще-то его это удивляло, и довольно сильно. В Сербию его брали потому, что такова была специфика того задания. Нужен был именно молодой, не слишком хорошо обученный парень. Не спецназовец, не суперпрофессионал, который может медведя ударом ноги замочить, а мухе на лету правую заднюю ногу отстрелить. Если бы нужен был такой — такого бы и послали. Но тогда оказался необходим именно кто-то вроде Андрея Сабурова — крепкий, неглупый парень, прошедший срочную, но без спецподготовки. После того как задание было выполнено, было логично ожидать, что Сабурова от группы Ската открепят. Но этого не произошло. Андрей сначала удивлялся, ждал, что так все же случится, но потом постепенно перестал об этом думать. Оставили так оставили. Значит, так надо. Им виднее, в конце концов, а он только рад. Со Скатом работать ему понравилось, да и платили членам этой группы очень неплохо.

— Удивляло, — коротко сказал Сабуров вслух. А про себя подумал, что, не иначе, настал все-таки момент группу покинуть.

— Так вот я тебе что скажу. Изначально планировалось взять тебя в группу на один раз. А потом или открепить от нее...

Скат неожиданно замялся.

— Или что? — спросил Андрей.

— Ну, никто не был уверен, что ты в Сербии выживешь.

— А, понятно, — кивнул Сабуров. — То есть или открепить, или похоронить. Правильно?

— Да. Андрей, не обижайся. Сам же понимаешь...

— То-то и оно, что понимаю. Так что можешь не объяснять, — перебил командира Андрей. Сейчас они говорили неофициально, и можно было не играть в дипломатию. Тем более что Скат сам всегда требовал, чтобы с ним говорили открыто и откровенно.

— Я же контракт подписывал. И внимательно его прочитал перед этим. Там про риск было написано. И когда нам задание объясняли, я тоже не спал, понимал, что меня не на фестиваль лирической песни отправляют. И прекрасно осознавал, что обратно могу и в гробу приехать.

— Нравится мне твое трезвомыслие, Андрей, — усмехнулся Скат. — Ладно, не буду тебя захваливать, ты сейчас и так про себя много хорошего услышишь. Так вот, Андрей. Тебя после Сербии собирались от группы открепить, как и было запланировано. Но, как видишь, не открепили. Догадываешься, почему?

Андрей пожал плечами.

— Потому, что я был против этого, — сказал Скат. — Мне, понимаешь ли, очень понравилось, как ты в Сербии сработал. Ты ведь там не только отлично выполнял то, что тебе говорили, а многое делал сам — и без ошибок, так, как надо. Ты здорово соображал, Андрей. Люди, которые на такое способны, редко встречаются, поэтому я и рассудил, что не стоит так легко тобой бросаться. И попросил начальство оставить тебя в

группе, несмотря на то, что подготовка у тебя намного ниже, чем требуется.

Сабуров никак не мог понять, с чего это вдруг Скат об этом заговорил. Видимо, недоумение достаточно хорошо читалось на его лице.

— Сейчас объясню, зачем я с тобой этот разговор завел, — сказал Скат. — Подожди немного. Так вот, мой главный аргумент был такой: в ближайшее время никаких операций для моей группы не планируется, так что мы можем оставить тебя и заниматься твоей подготовкой. А когда мы получим какое-то задание, тогда и будет видно.

И тут Андрей сообразил, к чему все это.

— Мы получили задание? — спросил он.

— Еще нет. Но уже сегодня, похоже, получим, — серьезно ответил Скат. — Кстати, хорошо, что ты сказал «мы».

— То есть я по-прежнему член группы?

— А вот как раз об этом я тебя и хочу спросить, — сказал Скат. — Андрей, честно скажу — я хотел бы, чтобы ты остался в группе. Я уже объяснил, почему ты, на мой взгляд, ценный боец. Но в то же время подготовка у тебя слабая по сравнению с тем, что для таких отрядов и таких заданий требуется. А значит, и риск для тебя выше, чем для меня или Славы, скажем. На прошлое задание нам требовался как раз такой, как ты. Сейчас такого требования нет. То есть я спокойно могу взять вместо тебя тридцатилетнего бойца с квалификацией не хуже, чем у меня самого. Но я не хочу этого делать, Андрей. Я бы предпочел оставить тебя — как раз потому, что хорошая голова на плечах. Умение соображать иногда важнее, чем стрельба или рукопаш-

ный бой. Но, еще раз повторяю, для тебя риск будет выше. Поэтому я тебя спрашиваю: ты сам хочешь в моей группе остаться и идти с нами на следующее задание? Если не хочешь — никаких претензий.

— Хочу, — коротко ответил Сабуров. Он понимал, что, возможно, делает ошибку. Но он правда хотел! Он уже попробовал этой жизни — когда на задании каждый день рискуешь головой, но зато и делаешь настоящее дело, а потом получаешь за это настоящие деньги. Для Андрея все это было важно. Он понимал, что если сейчас струсит, то такой жизни ему больше не видать. А то, что риск есть... Ну, что ж делать. Не бывает монет с одной стороной.

— Я был почти уверен, что ты согласишься, — усмехнулся Скат. — А вот скажи мне, Контрактник, небось из-за денег остаешься? Думаешь, в другом месте платить меньше будут?

Скат называл Сабурова Контрактником, только когда речь о деньгах заходила. Эта была у них больная тема: Скат — человек еще советской закалки, для которого служба была важнее всего. Честь мундира, патриотизм и все такое. А деньги — это так, довесок, на десятом месте в списке мотивов. Андрей подозревал, что командир бы и забесплатно работал. Но сам он считал такой подход неправильным и не стеснялся об этом говорить вслух. Кстати, Сабуров замечал, что Ската больше удивляет не то, что его подчиненного деньги интересуют, а то, что он не стесняется об этом открыто говорить.

— И поэтому тоже, — спокойно сказал Андрей.

— Не понять мне все-таки этого... — вздохнул командир. — Когда я мальчишкой был, любой из нас

полжизни отдал бы за возможность такой работы, как у нас. Ни о каких деньгах и мысли бы не было!

Сабуров пожал плечами. В том, что касалось его профессии, Скат был просто ас. Но во многих других вопросах часто казался наивным, как ребенок. Они уже несколько раз об этом говорили, и, кстати, Сабуров заметил, что Скат к его мнению относится с уважением. Командир как-то даже признался, что завидует — сам, дескать, переделать характер не может, но понимает, что Сабуров во многом прав.

— С тех пор много воды утекло, — сказал Андрей. — Я ведь уже сколько раз тебе говорил, командир, деньги — это не просто бумажки. Это как бы мерка того, насколько ты нужен государству. Сколько оно тебе платит, настолько ты ему и нужен. Логично?

— В общем, да.

— Значит, если оно тебе платит мало, то, получается, ты ему и не нужен. Зачем тогда служить, спрашивается?

— Так-то оно так, — протянул Скат, — но, если бы в девяностые годы все военные так рассуждали, армии у России вообще не осталось бы.

— Ничего подобного, — решительно покачал головой Сабуров, — если бы все военные так рассуждали и начали массово увольняться, то государство бы задумалось, нужны они ему или нет. И очень быстро приняло бы меры — повысило бы зарплаты и платило их регулярно. А поскольку все терпели, то мер и не принимали.

— Может, и так, — усмехнулся Скат. — Может, ты и прав. Эх, Андрей, чувствуется, что ты уже из совсем другого поколения. Я вот всех тех, кто в девяностые

уволился, считал чуть ли не предателями. А по-твоему выходит, что как раз они были правы, а я нет.

Андрей только руками развел.

— Ладно, что-то мы отвлеклись. — Лицо Ската по-суровело. — Значит, ты хочешь остаться?

— Да.

— Отлично. Тогда так: домой сегодня не едешь, остаешься здесь. Завтра утром должен приехать генерал, он нам скажет, что за дело предстоит.

— Я думал, ты уже знаешь.

— Только в самых общих чертах, и рассказывать пока не буду.

— Можешь хоть сказать, где работать будем?

— Это могу. В Южной Америке. Кстати, как твои успехи с испанским?

— Неплохо. Говорить и понимать могу, хотя чего мне это стоило...

— Ну, чего стоило, это меня не интересует.

— Да я знаю, — усмехнулся Сабуров.

Сейчас он уже мог позволить себе усмехаться — а вот месяца два назад было не до смеха. Тогда ему казалось, что из-за испанского языка, выучить который ему было приказано, придется увольняться. Перед поездкой в Сербию он за месяц выучил английский, но с ним все же было попроще — этот язык он хоть и кое-как, но учил в школе и в институте. А вот испанский совсем с нуля осваивать пришлось. Но он справился. Правда, работать пришлось по десять-одиннадцать часов в сутки — зато результат был, разговорным испанским он сейчас владел вполне неплохо. Разумеется, выдавать себя за испанца он бы не смог, но такой цели

перед ним и не ставили — командиры были людьми разумными и понимали, что возможно, а что нет.

Учили его тем же методом, что и английскому языку. В первый же день занятий объяснили всю грамматику, все правила построения предложений. А со второго дня дали словарь и заставили читать тексты на испанском. Сначала лазить в словарь приходилось буквально за каждым словом. За первый день такого чтения он одолел меньше десяти страниц и вымотался просто чудовищно. Но за второй день прочесть удалось уже четырнадцать с половиной страниц — многие слова он за первый день запомнил, в словарь теперь приходилось лазить уже не за каждым словом, это экономило время. Через три недели он читал почти свободно — неизвестные слова попадались где-то раз в полчаса. После этого началась новая попытка — вместо чтения он должен был смотреть испанские фильмы или выпуски новостей без перевода, а потом пересказывать их преподавателю. Повторилась та же история — первые дни он не понимал практически ничего, испанская речь сливалась в невразумительную скороговорку, из которой он успевал понять хорошо если каждое десятое слово. Но постепенно он привыкал, и еще через три недели понимал новости на испанском не хуже, чем на русском. Попадались, конечно, иногда непонятные слова, но они и в русском иногда попадают. Говорил он тоже вполне неплохо. Еще неделю преподаватель занимался с ним произношением и скоростью речи, а после этого заявил, что курс пройден. Андрей в тот день от радости просто себя не помнил. Никогда не думал, что способен с нуля иностранный язык за два месяца выучить — а вот смог же! Как все-

таки многое может человек, если по-настоящему захочет!

— Кстати, получается, ты уже давно знал, что следующее задание будет в Южной Америке? — спросил Сабуров.

— Нет, с чего ты взял? — удивленно поднял брови Скат. — Только сегодня узнал.

— А почему тогда я именно испанский учил?

— Потому что он второй по значимости язык из тех, которые нам в работе нужны. Самый нужный — это английский, с ним все понятно, международный, нигде с ним не пропадешь. А второй — испанский. На нем очень многие страны говорят. В первую очередь Латинская Америка, конечно, а там у России есть интересы. Погоди, Андрей, с языками твои мучения еще не окончены.

— Что, еще какой-то учить придется? — с ужасом спросил Сабуров.

— Обязательно. Ну, конечно, если с задания живым вернешься.

Перспектива учить еще один язык сейчас пугала Андрея чуть ли не больше возможности не вернуться с задания.

— Какой хоть? — обреченно спросил он.

— А попробуй сам угадать. Ну, просто логику включи.

Сабуров задумался.

— Давай вслух, — потребовал Скат. — Мне интересно, как ты соображать будешь.

— Ну... Немецкий, может быть? Нет, вряд ли. На нем только Германия и говорит, да еще, может, Швей-

царя какая-нибудь, и то не вся. Французский? На нем тоже только Франция...

— Почему? Еще во многих африканских странах он распространен, — заметил Скат.

— В Африке, насколько я знаю, в основном все-таки на своих языках говорят, — ответил Сабуров. — На французском тоже, конечно, но где он, там и английский, так что это некритично. Нет, вряд ли французский. Так, а что еще остается-то?

Несколько секунд он думал молча, нахмурившись. Вдруг его лицо прояснилось.

— Тьфу! Что ж это я на Европе заикнулся?!

— Вот и я о том же думал, — сказал Скат. — Кстати, частая ошибка.

— Так, но если не Европа, то, значит, Азия, Африка или Америка. С Америкой все ясно, там английский или испанский, с Африкой тоже ясно. Остается Азия. Ага. Ясно.

— Что ясно?

— Похоже, следующим мне арабский учить придется.

— А почему не китайский? — с интересом спросил Скат.

— Ясно же, что арабский важнее. Интересов внутри Китая у России мало, по крайней мере, таких, чтобы нашу группу использовать. А вне Китая на нем почти нигде и не говорят. А арабский — это весь Ближний Восток, там у нас интересов навалом. Кстати, арабский — это еще и Северная Африка! Да и вообще, этот язык во всех мусульманских странах знают, на нем же Коран написан. Да, точно арабский.

— Правильно, — кивнул Скат. — Вообще, во всем

мире считается, есть четыре по-настоящему важных языка, которые хоть как-то должен знать боевик высокого класса.

— Английский, испанский, арабский... — Андрей снова задумался. — А четвертый-то какой? Китайский, что ли, все-таки? Мне еще и его учить потом?

— Эх, ты, — усмехнулся Скат. — Четвертый язык — русский. На одной шестой части суши на нем говорят, все постсоветское пространство. Да и в Восточной Европе его еще не забыли.

— Блин, точно! — выдохнул Андрей. — Как же я не сообразил!

— Значит, думал плохо. Так что радуйся — учить четвертый язык тебе не придется.

Скат ненадолго замолчал. Потом снова поднял взгляд на Андрея и сказал:

— Ладно. Что-то мы с тобой заговорились. Иди отдохай. Завтра, когда понадобится, я тебя вызову.

Глава 3

Все утро Андрей скучал. Последние два месяца на выходные ему никаких занятий не назначали. Испанский язык он освоил, а обучение всему остальному у него шло без такой бешеной спешки. Поэтому и тренировки по рукопашному бою, и стрельба, и вождение всякой техники на выходные не назначались. Всем этим и много чем еще он занимался, как и положено нормальному человеку, по будням. Поэтому Сабуров и стал в конце недели домой уезжать, а то ведь скучно на базе. Все, кроме дежурных и охраны, по домам разъезжаются, даже словом перемолвиться не с кем.

Андрей поморщился. Да уж, зато дома есть с кем перемолвиться. Не успеешь войти, как сразу приходится этим заниматься. Впрочем, сейчас даже перспектива в очередной раз пособачиться с отчимом не казалась Сабурову такой уж страшной. Ведь было уже начало двенадцатого, больше четырех часов прошло с того момента, как он проснулся, а Скат его все не вызывает. От скуки уже просто хоть на стенку лезь.

Вообще натура у Сабурова деятельная. В детстве для него не было наказания хуже, чем помещение в угол, — уже через пару минут неподвижного стояния носом к стенке он просто с ума сходить начинал. Пробовал даже договориться с родителями, чтобы вместо угла его пороли — он слышал от некоторых друзей, что их наказывают именно так. Но мама была категорически против физических наказаний и от такого предложения только в ужас пришла. А вспомнить про парикмахерские! Сущее мучение неподвижно сидеть в кресле и ждать, пока тебя постригут. Впрочем, справедливости ради нужно помнить и о том, что для парикмахеров это тоже было мучением. «Этого вертлявого больше сюда не приводите!» — или такие, или близкие по смыслу слова приходилось слышать его бедной маме после каждой стрижки. Все ближние парикмахерские возле дома и места своей работы она с сыном обошла, а потом стала ездить дальше, в другие районы, лишь бы согласились постричь. Это мучение продолжалось лет до десяти. Примерно в этом возрасте Андрея мать стала стричь его сама.

Конечно, с возрастом Сабуров несколько остепенился. Но безделье все равно было для него страшным испытанием, хуже любой работы. А сейчас ему прихо-

дилось именно бездельничать. Уйти никуда нельзя, даже ненадолго, чтобы пробежку вокруг базы сделать. Ведь в любую минуту его может Скат вызвать. Генерал уже приехал, это Сабуров знал точно, дежурный сказал. Но, видимо, пока у генерала есть более важные дела, чем общение с Андреем Сабуровым. Ну, что ж, оно и понятно. «Может, в спортзал сходить? — подумал Андрей, глядя в потолок. — Когда понадобится, там-то уж меня быстро найдут. Или не стоит? Генерал все-таки, вряд ли ему понравится, если меня ждать придется. Да и потный я буду после спортзала, еще время потребуется, чтобы себя в порядок привести...»

С тяжелым вздохом Андрей сел на кровать, посмотрел в окно. Шел снег — уже довольно сильно, не как вчера. Осень как-то незаметно, постепенно сменилась зимой. «Интересно, а какая сейчас погода в Южной Америке?» — подумал Андрей. Он помнил, что, если не брать высокогорных районов, холодно там почти нигде и никогда не бывает. Вместо зимы у них там сезон дождей. Ну, наверняка ничего приятного в нем нет. Хорошо бы не угодить в него. Если бы Андрей знал, в какую именно страну им предстоит ехать, то мог бы попытаться вспомнить, когда там этот сезон. Но страны он не знал, поэтому гадать было бесполезно — континент большой, в разных его частях этот период наступает в разное время.

Андрей встал, потянулся, прошелся по комнате — раз в двадцатый, наверное, за последние полчаса. «Нет, так нельзя, — подумал он. — С ума сойду, прежде чем Скат меня вызовет. Может, генерал до вечера чем-то другим занят будет. Схожу все-таки в спортзал. Остав-

лю на двери записку, что я там. И напрягаться особенно не буду, тогда не вспотею».

Но не успел Андрей принять такое решение, как дверь его комнаты приоткрылась и в щель заглянул один из дежурных.

— Сабуров! Тебя Алимов вызывает, дуй быстрее в малый зал.

Андрей кинулся к двери, да так быстро, что дежурного чуть с ног не сбил. Наконец-то о нем вспомнили!

По пути в малый зал Андрею пришлось дважды предъявлять пропуск. И это несмотря на то, что они находились на охраняемой территории, а все часовые и дежурные знали его в лицо — как и он их. Все равно формальности соблюдались скрупулезно. Сабуров до сих пор считал, что это перебор. Но когда он как-то раз сказал об этом Скату, то услышал в ответ довольно длинную лекцию о том, что именно все эти дурацкие формальности и проверки очень сильно затрудняют жизнь любому диверсанту. И наоборот — там, где на это плюют, диверсанту не жизнь, а малина. Вот, скажем, лично он, Скат, не один раз этим пользовался. А то, что диверсанты встречаются не часто, не значит, что их вовсе нет. И особенно хорошо это стоит помнить именно им, Сабурову в том числе. Чай, не в библиотеке работает. Нельзя сказать, что Андрея это окончательно переубедило, но все же поколебало его ироническое отношение ко всем этим правилам.

Малый зал был предназначен для важных совещаний, в которых участвует немного народу — не больше десяти. Когда Сабуров вошел, здесь были два человека — Скат и Ольга. Командир группы и контрразвед-